

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

С. А. ДЕНИСОВ

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПИСЬМАХ НАВПАКТСКОГО МИТРОПОЛИТА ИОАННА АПОКАВКА К ФЕОДОРУ I ДУКЕ (1215–1230)

В статье рассматривается образ власти в письмах византийских интеллектуалов XIII в. на материале писем Навпактского митрополита Иоанна Апокавка (1155–1233) к эпирскому правителю Феодору I Дуке. В эпистолярном наследии Иоанна Апокавка выделяется группа писем, посвященных военной тематике. Это говорит о сохранении на западе Балканского полуострова традиционного образа императора-воина как актуального мотива в политических условиях XIII в.

Ключевые слова: *энкомий, формуляр, апангелия, мотив, Эпирское царство.*

Первая половина XIII в. стала переломным периодом развития Византии. Взятие участниками IV крестового похода Константинополя (12 апреля 1204 г.) и распад империи на несколько независимых государств (Никейскую империю, Трапезундскую империю, Эпирское царство и Латинскую Романию) не только привели к утрате Византией позиций на международной арене, но и стимулировали постоянную внутреннюю борьбу. К 1220 г. наибольшую активность проявляли Никейская империя, расположенная в Малой Азии, правители которой считались преемниками византийских василевсов, и Эпирское царство, образованное на Западе Балканского полуострова, правители которого имели не меньшие претензии и активно соперничали с никейскими императорами. Возглавив сопротивление латинскому завоеванию на западе Балканского полуострова, эпирские правители смогли присоединить к уже находившимся под их властью областям Старого и Нового Эпира территории Фессалии, Македонии, Фракии, о. Корфу и Кефалении. В 1224 г. эпирский правитель Феодор I Дука (1215–1230) освободил от власти крестоносцев Фессалонику, второй по значению город в Византии после Константинополя, и, венчавшись на царство через год¹, бросил вызов никейскому императору.

¹ Исследователями выдвигались различные точки зрения на дату коронации Феодора I как фессалоникского императора: назывался 1225 г. (*Karpozilos*. 1973. P. 75; *Karpozilos*. 1974. 6. P. 251–261), 1227 г. (*Prinzling*. 1992. S. 25–30; *Bredenkamp*. 1995. P. 112), 1227–1228 гг. (*Stiernon*. 1959. P. 90–126.). Вслед за А. Д. Карпозилосом

Право Феодора I на престол в это время обосновали в письмах к Вселенскому патриарху Герману II (1222–1240) главы эпирской церкви: Охридский архиепископ Димитрий Хоматиан, Керкирский митрополит Георгий Вардан и Навпактский митрополит Иоанн Апокавк. Однако период внешнеполитических успехов Эпира длился недолго. В 1230 г. войско Феодора I потерпело поражение в битве при Клокотнице от войск болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241), вмешавшегося в борьбу между эпирским царем и крестоносцами. Феодор I был пленен и впоследствии ослеплен, завоеванные им территории Македонии и Фракии отошли к Болгарии, его брат Мануил, ставший во главе царства после поражения при Клокотнице подчинился болгарскому царю. Позднее в 1340–50-е гг. эпирскому правителю Михаилу II Дуке (1231–1268) вновь удалось распространить свою власть на территорию Македонии, однако, вступив в борьбу с никейским императором Феодором II Ласкарисом (1254–1258) и позднее Михаилом Палеологом (1259–1282), он потерпел поражение в битве при Пелагонии в 1259 г.

Активность Эпирского царства в борьбе на территории Византии после падения Константинополя, делает важным вопрос о внутренних социально-политических отношениях, составляющей которых являлся формируемый правящими сословиями образ власти. В письмах глав эпирской церкви достаточно полно представлен образ эпирского правителя, являвшийся частью внутренней политической доктрины и официально позиционируемый в отношениях с Никейской империей.

Постоянная борьба, которую вели с крестоносцами и между собой независимые греческие центры, так или иначе оказывала влияние на представления о власти, распространенные среди местного населения. Были ли определяющими для данного образа кампании, проводимые эпирскими правителями в их борьбе за Константинопольский престол? Ответ на этот вопрос поможет выяснить место правителя-воина в системе власти и понять характер существовавших в эпирском обществе социально-политических отношений.

Образ правителя стал отдельным предметом исследований в византистике². Сегодня он рассматривается как информационное явление, постоянно идущий процесс трансформации и распада образов, относящихся к идеям господства и подчинения, «диалог» между субъектами социально-политических отношений: правителем, духовенством и ари-

мы полагаем, что у Феодора I не было причин откладывать коронацию на *два или три года* после взятия Фессалоники, поэтому придерживаемся даты 1225 г.

² Желеви-Леви. 1988. С. 143-161; Чичуров. 1991. С. 3; Литаврин. 2004. С. 46-50.

стократией. Образ, представляемый правителем, может подчинять сознание подданных или вступать во взаимодействие с их представлениями, которые, в свою очередь, могут транслироваться наверх, влияя на составление «официального» образа³.

Образ императорской власти в Византии обладал характерными особенностями. Правитель выступал как помазанник Божий, владыка христиан, его власть происходила от Бога⁴, качествами императора были мудрость, мужественность, справедливость, благоразумие⁵. Этот образ постоянно менялся, что заметно уже в начальном периоде его существования⁶. К XIII в. на него оказывает влияние усиление центробежных политических сил, отделение от центральной власти провинций, находящихся под контролем местных правителей⁷. Византийская империя представляется современникам как феодальное поместье, а василевс – как «первый среди равных», предводитель слоя высшей аристократии⁸.

Переписка между представителями политической элиты отражает развитие отношений между ними и связанных с данными отношениями образов⁹. Византийская эпистолография, основанная на античной традиции и имевшая вместе с тем отличия в языке и стиле¹⁰, была тесно связана с риторическим искусством.

В сборниках риторических упражнений, так называемых прогимнасм, использовался прозаический энкомий со всеми жанровыми обязательствами энкомия как похвального слова¹¹. Данное понятие стало, помимо прочего, одной из основ для особого вида эпистолярия – писем к императору, в котором оно использовалось для восхваления правителя¹². Несмотря на то, что Феодор I Дука так и не был признан полноправным претендентом на престол со стороны Никейской импе-

³ Бойцов, Эгле. 2008. С. 6-7.

⁴ Соколов. 2003. С. 26-27; Полуэктова. 1998. С. 60-62; Поляковская. 2009. С. 6; Hunger. 1964. S. 49-83; Angelov. 2007. P. 29-80.

⁵ Чичуров. 1991. С. 46; Поляковская. 2009. С. 7.

⁶ Бибиков. 2008. С. 13-18.

⁷ Удальцова. 1976. С. 4-36; Oudalitsova. 1976. P. 37-58.

⁸ Литавин. 2004. С. 49-50.

⁹ Angelov. 2007. P. 8; Криницына. 2008. С. 114-126.

¹⁰ Krumbacher. 1897. S. 455; Hunger. 1978. S. 200-202; Mullet. 1981. P. 74-93; Kennedy. 1983. P. 325; Куц. 2005. С. 6; Böhlig. 1956. S. 248-250; Sykutris. 1930. S. 219; Karlsson. 1962. P. 14-33; Сметанин. 1970. С. 35-41; Сметанин. 1971. С. 215-216; Византийская литература... С. 207-209; Tinnefeld. 2000. S. 365, 381.

¹¹ Lausberg. 1960. S. 532-533; Hunger. 1978. S. 90-132; Аверинцев. 1996. С. 261-262, 267-271, 295-301; Oxford dictionary of Byzantium.. 1991. P. 1728-1729 (Далее: ODB); Mullet. 2003. P. 157; The Oxford Handbook of Byzantine studies... 2008. P. 832-833.

¹² Krumbacher. 1897. S. 455; Kennedy. 1983. P. 320.

рии, главы эпирской церкви стремились наиболее убедительно обосновать его претензии, используя при формировании образа власти свое риторическое искусство. При этом наиболее ярко данный образ был представлен в письмах одного из видных представителей высшего эпирского духовенства – Навпактского митрополита Иоанна Апокавка.

Иоанн Апокавок (ок. 1155–1233) получил образование в патриаршей школе в Константинополе, где учился вместе с будущим патриархом Мануилом I Харитопулосом Сарантином (1217–1222). После завершения обучения, Иоанн Апокавок, приняв сан диакона, служил в Навпактской митрополии, главой которой был его дядя Константин Манассий, однако вскоре вернулся в Константинополь, где получил должность нотариуса при патриархе Никите II Мунтане (1186–1189). К началу XIII в. Иоанн Апокавок возглавил Навпактскую митрополию. После распада Византии на несколько независимых территорий, Навпактский митрополит поддерживал Михаила I Ангела Дуку (1204–1215), вставшего во главе Эпирского царства. Иоанн Апокавок возглавил созванный в 1213 г. синод в Арте, который принял кандидатов на свободные кафедры епархий, предложенных основателем Эпирского царства без санкции патриарха. После прихода к власти Феодора I Дуки, Иоанн Апокавок стал активно поддерживать правителя: внешнеполитические успехи Феодора I сопровождались письмами митрополита правителю и патриарху, в которых утверждалось право Эпира на престол единой Византии. После поражения войск эпирского царя в битве при Клокотнице Иоанн Апокавок перестал участвовать в политической жизни Эпира. Вскоре после 1230 г. митрополит, сложил с себя полномочия и ушел в монастырь, расположенный недалеко от Арты, где умер в 1233 г.¹³

Отношение Навпактского митрополита к власти, и, прежде всего, к Феодору I, достаточно давно привлекало внимание исследователей. Оно рассматривалось в контексте отношений светской и церковной властей в период наибольших внешнеполитических успехов Эпира. Внимание историков привлекала поддержка, оказываемая Иоанном Апокавком Феодору I в его претензиях на императорский титул¹⁴, ухудшение его отношений с царем, связываемое то с конфликтом митрополита с братом правителя и наместником Эпира Константином Дукой¹⁵, то с неприятием Иоанном Апокавком церковной политики, проводимой

¹³ Wellnhofer. 1913. S. 6-9; Λαμβρόπουλος. 1988. Σ. 45-67; Радошевић. 1991. С. 155-156; ODB. Vol. 1. P. 135. См. также след. прим.

¹⁴ Васильевский. С. 18-19; Miliaraki. 1898. Σ. 164-167; Успенский. 1997 (М., 1948). С. 411; Prinzing. 1992. S. 177-178; Angold. 1995. P. 218-219 и др.

¹⁵ Nicol. 1957. P. 75-82.

Феодором I¹⁶ и другие аспекты. Параллельно с изучением писем Иоанна Апокавка как источника для изучения отношений государства и церкви в Эпире, в историографии рассматривались особенности стиля и языка, характерные для эпистолярия Навпактского митрополита¹⁷. Данные направления исследований были соединены в работах, посвященных рассмотрению отраженного в письмах Иоанна Апокавка образа власти. Одним из первых на образы правителя, связанные с военной тематикой, обратил внимание выдающийся русский византинист Ф. И. Успенский, отметивший, что Навпактский митрополит после взятия эфирским правителем крепости Платамон, важного в стратегическом отношении укрепленного пункта при осаде Фессалоники, сравнил Феодора I в адресованном ему письме с рыбаком, а жителей Фессалоник, которым предстояло освобождение от латинского владычества, с рыбами, которые стремятся попасть в сети к эфирскому правителю¹⁸. Позднее документ, который был использован Ф. И. Успенским как иллюстрация к политической ситуации на Западе Балканского полуострова, был специально рассмотрен Ф. Бреденкампом, который пытался выяснить, как отразилась военная кампания Феодора I на характере писем к нему представителей высшего духовенства Эпира. Для этого исследователь, использовал еще одно письмо Навпактского митрополита к Феодору I, о взятии крепости Просека, другого важного в стратегическом отношении укрепленного пункта при осаде Фессалоники. По мнению Бреденкампа, в двух письмах отражена стратегическая цель кампании, разделяемая всем западногреческим обществом – взятие Фессалоники. Кроме того, было отмечено, что в письме, посвященном взятию Платамона, Иоанн Апокавк говорит о помощи св. Димитрия Солунского (покровителя Фессалоники) эфирскому правителю в его успешных кампаниях¹⁹.

Гораздо шире военная тема в письмах Иоанна Апокавка, рассмотрена Э. Пападопуло; она заметила одну закономерность: в письмах по военной тематике Иоанн Апокавк оперативно определял свою позицию в отношении постоянно меняющихся программ и основных направлений, внешней политики Феодора I²⁰. Таким образом, Э. Пападопуло представила использование военной темы в письмах к правителю как средство оценки митрополитом политической ситуации и соответственно как способ его участия во внешней политике Феодора I.

¹⁶ *Karpozilos*. 1973. P. 43.

¹⁷ *Чернушов*. 1914. С. 7-11; *Τομαδάκη*. 1957. Σ. 22-24; *Magdalino*. 1987. P. 28-38.

¹⁸ *Успенский*. 1997. С. 411.

¹⁹ *Bredenkamp*. 1995. P. 66-67.

²⁰ *Παπαδόπουλο*. 2008. Σ. 162.

Упомянувшиеся ранее письма Иоанна Апокавка о взятии Платамона и Просека, недавно снова оказались в центре внимания исследователей: сербский историк Д. Желебжич в специальной работе, опираясь в том числе на данные документы, рассмотрел образ власти в письмах Иоанна Апокавка. Как и Ф. Бреденкамп, Д. Желебжич отметил сходство между этими письмами, которое однако он увидел не в выражении настроений населения Эпира, а в другом. По мнению Желебжича, сходство между двумя письмами заключается в том, что в них используется один и тот же эпитет применительно к Феодору I – «совершающий великие дела» (μεγαλοῦργός), отмечается, что крепости взяты с Божьей помощью, используется игра слов, связанная с названиями взятых пунктов (так, говорится, что взятие Платамона (Πλατάμων), является разрешением уз (πλατύσμος))²¹. В соответствии с предметом изучения, Желебжич выделил в письме, посвященном взятию Платамона, мотив сравнения Феодора I с Христом, характерный для других писем Навпактского митрополита эпирскому правителю, выраженный в данном случае через систему христианских символов (рыбака, рыбы)²².

Таким образом, в рассмотренных работах затронута только часть интересующих нас писем. При этом не рассматривался образ правителя как воина, военные мотивы и связанные с ними образы оказывались вне рамок исследований.

Всего известно 21 письмо Иоанна Апокавка к Феодору I. Из них примерно четверть (пять) касается военных походов, предпринимаемых правителем²³. Церковной политике посвящены 5 писем²⁴, восхваление царя представлено в 6-ти²⁵, в 4-х письмах рассказывается об отношении Иоанна Апокавка и брата царя Константина Дуки²⁶, в одном письме высказываются пожелания митрополита правителю²⁷. Как видно, письма, связанные с военной темой, занимают по численности второе место в рассматриваемом эпистолярии, уступая документам, восхваляющим царя, и разделяя его с письмами, посвященными церковным вопросам. При этом только три письма напрямую касаются военных кампаний Феодора I: речь идет об уже упомянутых документах, повествующих

²¹ *Целебжич*. 2008. С. 129.

²² Там же. С. 136.

²³ *Пападопуло-Керамевс*. 1913. С. 266-269, 269-270, 272-274, 276-278, 286. (далее Noctes).

²⁴ Noctes. С. 262-263, 265-266, 279, 279-282, 287-288.

²⁵ *Ibid.* С. 271-272, 282-284, 284-285, 285, 285-286, 288-289.

²⁶ Noctes. С. 259-260, 263-264, 286-287, 289-290.

²⁷ Там же. С. 264-265.

о взятии Платомона и Просека, а также письме-пожелании военных успехов правителю²⁸. Остальные два письма косвенно касаются военной темы, в общих чертах сообщая о военных заслугах правителя. Их главной темой являются церковные вопросы²⁹.

Д. Желебжич при изучении писем Навпактского митрополита, адресованных Феодору I, разделил документы на две группы: до и после коронации Феодора I как императора в 1225 г.³⁰ Основанием для такого разделения стали особенности внутренней формы писем, выраженной в указании на имя адресата. В письмах 1215–1225 гг. часто приводится одно из фамильных имен, сопровождаемое эпитетами «совершающий великие дела» (μεγαλοϋργός), «оберегаемый Богом» (προφανῶς Θεοφρούρητος)³¹, «сильнейший» (κράτιστος)³² и др. В письмах 1225–1230 гг. для обозначения адресата используются только эпитеты, соответствующие его положению – «царь и господин», «царь», которые сопровождают эпитеты «величайший» (μέγιστος), «направляемый Богом» (Θεοκυβέρνητος). В нашем случае к первой из данных групп относятся письма, посвященные взятию Платомона и Просека, ко второй – остальные, в общих чертах повествующие о военных заслугах эпирского правителя. Однако малочисленность писем, посвященных военной тематике, не позволяет проследить систематические изменения среди документов данной группы, относящихся к разным периодам. Соответственно более целесообразным нам представляется изучение указанных писем Иоанна Апокавка как единого комплекса документов, без дополнительного хронологического разделения.

Переходя к изучению характерных черт писем, следует сделать предварительное замечание относительно используемой методики. Для анализа писем будет использована система, предложенная в монографии В. А. Сметанина по отношению к широкому кругу эпистолярия XIII–XV вв. Она подразумевает изучение структуры (архитектоники) письма, в которой выделяются две главные части: формульная, основа которой – семантика – образует по выражению исследователя «каркас письма», и содержательная (апангелия), которая представляет собой собственно сообщение и является связующим звеном между формулами. При этом формульная часть подчиняется определенным законам построения и ее

²⁸ Там же. С. 286.

²⁹ Там же. С. 272–274.

³⁰ *Целебжич*. 2008. С. 126.

³¹ *Noctes*. С. 266–270.

³² Там же. С. 259.

изменения находятся в достаточно узком диапазоне, апангелия, напротив, не имеет строгих рамок³³.

Формульная части и мотивы писем Иоанна Апокавка были изучены сербской исследовательницей Н. Радошевич которая выделила важные составляющие формулы писем, такие как инскрипцию, формулы дружбы, а также традиционное сочетание, выражающее отношение к полученному от друга письму, здоровья, присутствия, памяти. В качестве мотивов Н. Радошевич выделила темы, связанные с формулами здоровья, дружбы, памяти, присутствия, относящиеся к содержательной части документов, а также мотив красивого места (*locum amoenus*)³⁴. Но основное внимание Радошевич уделила общей характеристике писем, большей частью адресованных представителям высшего духовенства. Особенности писем митрополита к Феодору I она не изучала. Мотив старости, связанный с формулой здоровья, выделен Э. Пападопуло³⁵, однако при этом не рассматривались особенности данного мотива (и формулы) применительно к письмам военной тематики. Таким образом, несмотря на имеющийся опыт изучения формульной части писем Иоанна Апокавка, полного освещения архитектоника писем, посвященных военной теме, до сих пор не получила.

Изучение интересующих нас писем будет состоять из двух этапов: анализ формульной части (состав, количество и распределение формул в письмах военной тематики) и анализ мотивов и образов, используемых как в формульной части, так и в апангелии. На каждом из этапов предстоит решить вопросы о специфике писем, посвященных военной теме. Для этого по мере определения особенностей внутреннего строения писем будет проведено их сравнение с чертами, характерными для остального эпистолярия. Начнем с первого из указанных этапов.

1) Формульная часть

Изучение архитектоники письма подразумевает анализ ряда отдельных устойчивых частей эпистолярия. В. А. Сметанин выделил в качестве таковых несколько составляющих: *intitulatio*, *inscriptio*, *praescriptio*, семантема, *clausula*, *datum*, которые в совокупности состоят из 21 формулы³⁶. Такое количество выделенных формул обусловлено широким кругом используемого исследователем эпистолярия: многие из традиционных фраз в отдельных случаях могут отсутствовать.

³³ Сметанин. 1987. С. 195, 203-206; Он же. 1979. С. 58-93; Он же. 1980. С. 68-72.

³⁴ Радошевич. 1987. С. 157-163.

³⁵ Пападопуло. 2008. С. 160-161.

³⁶ Сметанин. 1980. С. 68-72; Сметанин. 1987. С. 195-204.

Приступая к анализу архитектоники писем необходимо отметить отсутствие в них некоторых частей формуляра – *intitulatio*, представляющей собой указание на имя трассанта, *praescriptio* (заголовок письма со стержневым словом *χαίρειν*), *datum*, подпись. Эта черта характерна также для других писем Навпактского митрополита, к Феодору I³⁷, и потому ее можно отнести к особенностям писем данной группы. Таким образом, изучение внутреннего строения документов возможно и в отношении оставшихся частей формуляра: *inscriptio* (указание на имя адресата), семантемы и *clausula* (заключительная формула-пожелание), представляющих соответственно начальную, среднюю и заключительную часть письма³⁸.

Итак, архитектоника писем в нашем случае начинается с *inscriptio*.

Как было отмечено, в зависимости способов обозначения имени правителя рассматриваемый эпистолярный разделится на две группы: документы, относящиеся к периодам до и после 1225 г. Однако только этим элементом *inscriptio* не исчерпывается. В нашем случае важной составляющей обозначения адресата является также более или менее подробное описание его качеств. В четырех случаях речь идет о военных заслугах правителя: говорится о победе на врагами³⁹, присоединении городов⁴⁰ и победном завершении походов⁴¹. Среди остальных писем «дополнительные» эпитеты, входящие в *inscriptio*, встречаются лишь в одном случае⁴², что позволяет говорить о перечислении военных заслуг правителя как о характерном признаке вводной части писем, касающихся военной тематики. При этом в одном случае сообщается об успешном результате похода, а в остальных о военных кампаниях говорится в общих чертах. Отметим и особенности расположения *inscriptio* в одном из писем, представляющем собой краткое пожелание царю: указание на имя адресата находится в данном случае в середине письма.

³⁷ Исключение составляют два письма, имеющие *praescriptio*: первое содержит жалобу на Константина Комнина Дуку (*Noctes*. С. 259), второе посвящено теме восхваления царя (Там же. С. 279).

³⁸ Указание на имя адресата отсутствует в одном из писем письме вследствие его плохой сохранности (Там же. С. 276-278).

³⁹ Там же. С. 272, 286.

⁴⁰ Там же. С. 272.

⁴¹ Там же. С. 266.

⁴² В этом письме, посвященном вопросу о статусе Навпактской митрополии, военная тема выражена только в *inscriptio* (Там же. С. 287), и потому документ не был включен в число рассматриваемых писем. При этом от перечисления военных заслуг правителя митрополит в семантеме переходит к формуле здоровья, сообщая о своей войне с болезнью и, таким образом, «играя» содержанием фраз.

Говоря о формулах, составляющих семантему поздневизантийского эпистолярия, В. А. Сметанин выделил 14 устойчивых словосочетаний⁴³, из которых в рассматриваемых письмах встречаются три: формула восхищения, формула мнения, формула здоровья. При этом первая из них встречается во всех пяти документах⁴⁴, вторая – в трех письмах⁴⁵, последнюю только два письма⁴⁶. Итак, наиболее часто употреблялась формула восхищения адресатом, что вполне объяснимо, учитывая восхваляющий характер писем Навпактского митрополита Феодору I, а расположение данной формулы по традиции одной из первых в письме еще более подчеркивает восторженное отношение митрополита к царю.

Выявленные формулы неизменно присутствуют в других письмах Иоанна Апокавка к Феодору I, являясь традиционными сочетаниями. При этом их соотношение в данном случае сходно с наблюдаемым в письмах военной тематики: формулу здоровья содержат 10 писем, формула восхищения встречается в 8 письмах, формула мнения – в четырех. По группам писем они распределены следующим образом. Среди *писем, посвященных церковным вопросам*, формулу здоровья содержат 3 документа⁴⁷, формулу восхищения – 2 документа⁴⁸, одно письмо – формулу мнения⁴⁹. Среди *писем, восхваляющих царя*, формула восхищения встречается в 5 письмах⁵⁰, такое же число документов содержат формулу здоровья⁵¹, в двух письмах встречается формула мнения⁵². Менее всего рассматриваемые формулы представлены в *письмах с жалобой на Константина Дуку*: два из них содержат формулы здоровья⁵³, одно – формулы мнения⁵⁴ и восхищения⁵⁵.

Как видно, письма военной тематики сходны по количественному соотношению формул с письмами, восхваляющими царя. При этом сходство наблюдается в частоте употребления формулы восхищения и

⁴³ Сметанин. 1979. С. 71-72; Сметанин. 1980. С. 68-72; Сметанин. 1987. С. 196-199.

⁴⁴ Noctes. С. 266, 269, 272, 276, 286.

⁴⁵ Там же. С. 267, 270, 273.

⁴⁶ Там же. С. 268, 277.

⁴⁷ Там же. С. 265, 279, 287.

⁴⁸ Там же. С. 262-263, 282.

⁴⁹ Там же. С. 263.

⁵⁰ Там же. С. 264, 282, 284-285, 285, 286.

⁵¹ Там же. С. 271, 279, 284 (в двух письмах), 285-286.

⁵² Там же. С. 256, 263.

⁵³ Там же. С. 260, 288.

⁵⁴ Там же. С. 289.

⁵⁵ Там же. С. 290.

мнения, использование формулы здоровья сильно различается. Формула восхищения встречается во всех письмах, относящихся к двум группам, формула мнения в письмах военной тематики встречается три раза, в письмах, восхваляющих царя, дважды. Формула здоровья использована в первой из рассматриваемых групп два раза, в документах второй группы – пять раз. Кроме того, сходство в употреблении формулы здоровья письма военной тематики обнаруживают с письмами, посвященными церковным вопросам, в которых данная формула употреблена два раза (в то время как в письмах военной тематики данная формула используется в трех документах).

Общее сходство в соотношении формул, употребляемых в письмах трех групп, в целом, говорит об использовании однотипных приемов при составлении писем вне зависимости от тематики. Безусловно, для отдельных групп характерно более или менее частое употребление тех или иных формул, как в случае с формулой восхищения в письмах, касающихся военной тематики, или восхваляющих царя. Однако при этом, из-за наличия общих черт, как минимум для двух групп (как показано выше), сложно говорить о какой-то специфике в частоте употребления формул в письмах, составляющих отдельную категорию.

Кроме количественного соотношения формул составляющих семантему, важным вопросом для понимания специфики писем военной тематики является, на наш взгляд, состав данных элементов. Влияла ли военная тема на выражение формул восхищения, мнения и здоровья? При этом для того, чтобы выделить данное влияние необходимо не только определить наличие военных мотивов в указанных формулах, но также и сопоставить данные формулы с другими аналогичными элементами, которые содержатся в письмах остальных групп, что позволит с уверенностью говорить о данном влиянии как характерном признаке отдельной группы.

Итак, в формулах, образующих семантему интересующих нас писем, содержатся следующие военные мотивы. В письмах, посвященных взятию крепостей Просека и Платамона, во всех трех формулах фигурирует военная тема: говорится о военных доблестях правителя, напрямую упоминаются результаты военной кампании – взятые Просек и Платамон⁵⁶. Реже военные мотивы представлены в письмах, посвященных вопросам церковной политики. В одном из них военный мотив содержит формула мнения⁵⁷, в другом – формула восхищения⁵⁸. В

⁵⁶ Там же. С. 266-270; *Целебуш*. 2008. С. 129.

⁵⁷ *Noctes*. С. 273.

обоих случаях мотив представлен указанием на победу над латинянами (италийцами). Наконец, в еще одном письме, представляющем пожелание царю, военный мотив содержится в формуле восхищения и представляет собой более общее, чем в предшествующих случаях, указание на победу над врагами⁵⁹.

В письмах, касающихся других тем, военные мотивы в формулах встречаются значительно реже и выражены не столь рельефно. Речь идет о трех письмах, представляющих все остальные группы. В первом из них, восхваляющем царя, военные мотивы содержатся в формуле восхищения и выражены в перечислении его военных доблестей⁶⁰. Во втором письме, посвященном церковному вопросу, рассматриваемые мотивы представлены в формуле здоровья: Иоанн Апокавк сравнивает свою болезнь с противником⁶¹. В третьем случае, речь идет о письме с жалобой на действия Константина Дуки, которое содержит в формуле восхищения правителем указание на военные заслуги царя⁶².

Как видно, письма военной тематики достаточно сильно выделяются в области выражения соответствующих мотивов в формульной части. Эти мотивы представлены во всех без исключения документах, и в большей части писем представлены как фразами общего содержания (указание на военные доблести правителя), так и конкретной информацией (завоевание отдельных городов, победа над латинянами (италийцами). Наоборот, в письмах, относящихся к другим темам, военные мотивы не часто использовались для выражения формул семантемы; в тех же случаях, когда это происходило, употреблялись только фразы общего содержания (говорилось о доблести правителя, его военных заслугах, противник сравнивался с болезнью).

Таким образом, можно говорить о специфике семантемы для писем военной тематики, которая заключается в ярком отображении военных мотивов в составляющих ее формулах.

Переходя к изучению заключительной части письма – клаузулы – следует отметить, что данный элемент представлен в двух документах рассматриваемой группы⁶³. Одно письмо военной тематики завершается вопросами митрополита к царю⁶⁴, два других – пожеланием о мудром

⁵⁸ Там же. С. 277.

⁵⁹ Там же. С. 286.

⁶⁰ Там же. С. 264.

⁶¹ Там же. С. 287.

⁶² Там же. С. 290.

⁶³ Там же. С. 270, 278, 286.

⁶⁴ Там же. С. 268-269.

решении церковных вопроса⁶⁵. Среди писем, относящихся к другим группам, такое нестандартное завершение встречается в двух письмах по церковным вопросам, в которых митрополит высказывает пожелание царю о благополучном разрешении спора⁶⁶. Среди писем других групп эти черты не встречаются⁶⁷. Данное соотношение позволяет выделить нестандартное завершение посвященных военной теме и церковной политике писем как специфическую черту документов, принадлежащих к данным группам, однако выделить при этом какие-либо особенности для писем военной тематики по двум документам не представляется возможным. Однако можно рассмотреть их соотношение с завершающими формулами писем, относящихся к остальным группам.

Состав клаузул для других групп однотипен: краткое пожелание адресату, чтобы ему сопутствовала удача. Речь идет о формулах со стержневым словом *ἡ εὐχή* – молитва (ὁ σὸς εὐχέτης ἐγὼ θερμότητος ἐξαιτῶ)...⁶⁸ – «я, горячо молясь за тебя, прошу...»⁶⁹) и о благословении правителя с ключевым словом *χαρίζειν* – благословить (ἐμοὶ δὲ χαρίσαίτο τὴν σὴν εὐμένειαν καὶ ἀντίληψιν⁷⁰ – «я же желаю, чтобы благословились твои доброе помышление и возвращение»⁷¹), что является типичным для клаузул поздневизантийского эпистолярия⁷². В двух письмах по военной тематике пожелания императору выражены несколько иначе. Вместо общих фраз говорится о его будущих победах⁷³. При этом такого рода пожелания не встречаются в письмах других групп, кроме одного случая, когда в письме, восхваляющем царя в клаузуле употреблен эпитет «спаситель [и] защитник всем нам» (πᾶσιν ἡμῖν σωτήρ πρόμαχος)⁷⁴. Однако данное выражение военной темы в клаузуле, очевидно, является менее ярким, чем приведенные выше.

⁶⁵ Там же. С. 274, 278.

⁶⁶ Там же. С. 282, 288.

⁶⁷ В одном из писем, восхваляющем царя, после официальной формулы пожелания, традиционно завершающей письмо, приведена просьба митрополита о разрешении его спора с Константином Комнином Дукой (Там же. С. 284). Так как данный документ все же имеет свое официальное завершение, то он рассматривается среди остальных писем, имеющих клаузулы.

⁶⁸ Там же. С. 263.

⁶⁹ Там же. С. 284, 289. В одном из случаев вместо *ἡ εὐχή* используется *ἡ εὐτυχίμα* – пожелание успеха. (Там же. С. 285).

⁷⁰ Там же. С. 272.

⁷¹ Там же. С. 264, 265, 279, 287, 291.

⁷² *Сметанин*. 1980. С. 68-72; *Сметанин*. 1987. С. 199.

⁷³ *Noctes*. С. 270, 286.

⁷⁴ Там же. С. 286.

Таким образом, в клаузулах двух рассматриваемых писем военные мотивы выражены достаточно рельефно, что отличает их от завершающих формул, присутствующих в остальных письмах.

Подводя итог изучению формульной части писем военной тематики, отметим следующие характерные ее черты: 1) количественное распределение формул семантемы, *inscriptio* и клаузул для писем военной тематики является таким же, как для писем остальных групп, что позволяет говорить о единообразии в этой области эпистолярия Иоанна Апокавка, адресованного к Феодору I; 2) формулы изучаемых писем содержат военные мотивы, которые выражены сообщениями о военных заслугах правителя (покорении городов, победе над италийцами и др.). Данная черта отсутствует среди писем, относящихся к другим группам, что позволяет говорить о ней, как специфическом признаке писем военной тематики.

2) Мотивы и образы

Изучение мотивов и образов, используемых в рассматриваемых письмах, подразумевает, как и в случае с формульной частью, решение двух вопросов. Во-первых, как мотивы, характерные для писем всех групп, отражены в письмах военной тематики. Во-вторых, какие мотивы писем военной тематики являются специфическими для данной группы.

Итак, Д. Джебелжич выделил следующие мотивы: 1) правитель признается законным претендентом на престол Византии⁷⁵, 2) правитель сравнивается с предшествующими царями, и значительно превосходит их по своим качествам⁷⁶, 3) божественное происхождение власти правителя⁷⁷, 4) сравнение правителя с Христом⁷⁸ и солнцем⁷⁹.

Распределение мотивов среди рассматриваемых писем следующее. Первый мотив содержат четыре письма: для обоснования прав правителя на престол он сравнивался с правителями-воинами, упомянутыми в Старом Завете⁸⁰, а также использовались военные успехи правителя, в частности, взятие городов Просека и Платамона⁸¹.

⁷⁵ *Целебџић*. 2008. С. 127-132.

⁷⁶ Там же. С. 133-134.

⁷⁷ Там же. С. 138.

⁷⁸ Там же. С. 135-137. Еще один мотив, который заключается, по мнению Д. Джебелжича, в том, что автор письма не может подобрать слов, чтобы рассказать о достоинствах царя (Там же. С. 133), представляет собой скорее вариант формулы восхищения, нежели составную часть апангелии.

⁷⁹ Там же. С. 129.

⁸⁰ *Noctes*. С. 276, 286, 289.

⁸¹ Там же. С. 268, 270.

Второй мотив встречается в одном из писем, посвященных военной тематике⁸². Мотив Божественного происхождения власти правителя встречается также в одном письме⁸³. Мотив сравнения правителя с Христом, как уже было отмечено, встречается в письме, посвященном взятию Платамона. Сравнение правителя с солнцем употреблено в письме, посвященном взятию Просека⁸⁴.

Можно констатировать, что, исключая первый из указанных мотивов, литературные приемы и образы, традиционно используемые Иоанном Апокавком, встречаются в рассматриваемых письмах не часто.

Далее выделим остальные мотивы, присутствующие в письмах Иоанна Апокавка, и выясним, насколько они являются специфическими для рассматриваемых документов. Речь идет о следующих мотивах: 1) военные кампании правителя, завершающиеся взятием городов и победой над противником⁸⁵, 2) борьба с латинянами (италийцами)⁸⁶, 3) образ святого Димитрия⁸⁷, 4) параллели с античными героями-воинами⁸⁸, 5) образ реки, в которой митрополит омоет ноги после победы Феодора I⁸⁹. Три последних мотива характерны для писем, посвященных взятию Просека и Платамона, мотив борьбы с латинянами (италийцами) характерен для трех писем, мотив военных кампаний присутствует во всех рассматриваемых документах. Представленные образы практически не встречаются в письмах других групп, будучи специфическими для писем военной тематики. При этом, как и в случае с формульной частью, упоминания об отдельных воинских доблестях правителя периодически встречаются в других документах⁹⁰, однако *систематически* военные мотивы в них не выражаются.

Таким образом, в отношении используемых мотивов и образов письма военной тематики, обладая некоторыми чертами, сближающими их с другими группами (общие мотивы), тем не менее, имеют свою специфику, которая заключается в систематическом выражении военной темы через систему образов (постоянное упоминание военных кампаний правителя и его борьбы с латинянами, указание на героев-

⁸² Там же. С. 272.

⁸³ Там же. С. 273.

⁸⁴ Там же. С. 268.

⁸⁵ Там же. С. 266-267, 269, 272-273, 276-277, 286.

⁸⁶ Там же. С. 269, 273, 277.

⁸⁷ Там же. С. 267, 270.

⁸⁸ Там же. С. 267.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 264, 281, 289 и др.

воинов из античной мифологии, образ местности, которая в будущем окажется завоеванной). Следует при этом отметить, что и общие мотивы писем Иоанна Апокавка, и мотивы, относящиеся к военной теме представляют собой традиционные сюжеты для византийской эпистолографии⁹¹. Исследуемая специфика заключается, таким образом, не в составе образов, а в частоте их употребления.

Подводя итог проведенному нами изучению военной тематики писем Иоанна Апокавка, адресованных Феодору I Дуке, можно сделать следующие выводы. Рассматриваемые письма, являясь частью большого эпистолярия, объединенного темой отношения митрополита и царя, обладали рядом черт, общих для других документов данной группы. К таким чертам можно отнести типичное распределение среди рассматриваемых писем формул восхищения, здоровья и мнения, составляющих семантему, а также наличие в их апангелии мотивов, характерных для остальных документов (обоснование права правителя на престол, его сопоставление с правителями-воинами, упомянутыми в Ветхом Завете и др.). Вместе с тем, письма военной тематики имеют специфическую черту: систематическое выражение военных мотивов, как в формульной части, так и в апангелии. В формульной части данные мотивы выражены в инскрипцию, семантему и клаузуле. Во всех случаях говорится о военных кампаниях правителя, покорении им городов, победе над латинянами (италийцами). Подобные сведения содержатся в апангелии, однако они никак не связаны с указанными формулами. Кроме того, в апангелии используются образы античных героев-воинов и покоренной в будущем местности.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Никейской империи, где в письмах к правителю представители никейского духовенства также особо выделяли военную деятельность императора и его качества как полководца⁹². Данное обстоятельство позволяет интерпретировать выявленные особенности писем, как, в целом, черту, характерную для византийской риторической литературы первой половины XIII в., обусловленную как традиционным пониманием одного из качеств императора как воина, так и сложившейся политической ситуацией, характеризующейся постоянными военными кампаниями. Нахождение, таким образом, писем Иоанна Апокавка в общем русле развития

⁹¹ Византийская литература... С. 210, 214; *Hunger*. 1964. S. 226-227.

⁹² *Радосевич*. 1987. С. 77-79; *Культура Византии*... С. 64-65. Аналогичные тенденции представлены также в риторической литературе Трапезундской империи, относящейся к более позднему времени XIV в. (*Карпов*. 2007. С. 460).

византийской риторической литературы еще раз доказывает высокий уровень и современность его эпистолярия, не уступавшего, как видно, в отдельных аспектах лучшим византийским образцам этого жанра в более позднюю эпоху.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.
- Бибиков М. В.* «Блеск и нищета» василевсов: Структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века и Новое время / Отв. ред. М. А. Бойцов. М.: Наука, 2008. С. 9-18.
- Бойцов М. А., Эксле О. Г.* Предисловие // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века и Новое время / Отв. ред. М. А. Бойцов. М.: Наука, 2008. С. 5-8.
- Васильевский В. Г.* Обновление Болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Т. 238. № 3. Отд. 2. С. 1-56.
- Византийская литература / Л. А. Фрейберг, Т. В. Попова. М.: Наука, 1978. 287 с.
- Целебичић Д.* Писма Јована Апокавка Теодору Дуке // Византолошки институт. Зборник радова. 2008. Т. 47. С. 125-140.
- Жолеви-Леви К.* Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 143-161
- Карпов С. П.* История Трапезундской империи / Византийская библиотека. СПб.: Алетейя, 2007. 624 с.
- Криницына Е. С.* «Nostre parti procul dubio patet iustitia...»: Образ правителя Толедского королевства VII в. в переписке Браулиона Сарагосского // Вестник РГГУ. Сер. История. 2008. №12. С. 114-126.
- Культура Византии. XIII – первая половина XV вв. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1991. 620 с.
- Куц Т. В.* Эпистолярная практика в поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 5-15.
- Литаврин Г. Г.* Этапы эволюции верховной власти и ее репрезентации в Византии VII–XII вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная и Восточная Европа). Тез. XXII научной конференции «Славяне и их соседи». Москва. 14–16 мая 2004 г. / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Наука, 2004. С. 46-50.
- Полуэктова О. С.* К вопросу о сущности церемониала в связи с императорской идеей // Византийское государство в IV–XV вв.: Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византинистов (Барнаул, 29 мая – 2 июня 1998 г.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 60-62.
- Поляковская М. А.* Поздневизантийский чин коронования василевса // Византийский временник. 2009. Т. 68 (93). С. 5-24.
- Радосевич Н.* Никејски цареви у савременој им реторици // Византолошки институт. Зборник радова. 1987. Т. 26. С. 65-82.
- Радосевич Н.* Епистолагафија Јована Апокавка // Византолошки институт. Зборник радова. 1991. Т. 29-30. С. 155-167.
- Сметанин В. А.* Эпистолагафия. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1970. 65 с.

- Сметанин В. А.* Из истории эпистографии // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 212-216.
- Сметанин В. А.* Теоретическая часть эпистологии и конкретно-исторический эфармосис поздней Византии // АДСВ. Свердловск, 1979. С. 58-93.
- Сметанин В. А.* Эпистология поздней Византии, прозевсис // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1980. С. 68-72.
- Сметанин В. А.* Византийское общество XIII-XV вв. по данным эпистографии. Свердловск, 1987. 288 с.
- Соколов И. И.* О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии / Вступ. ст. Г. Е. Лебедевой. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 272 с.
- Удальцова З. М.* Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071–1261): Социально-экономические аспекты проблемы // XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. T. 1: Histoire. Athenes: K. Michalás, 1976. С. 4-36.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи XI-XV вв. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997 (М., 1948). 829 с.
- Черноусов Е. А.* Из византийского захолустья XIII века. Харьков, 1913. 15 с.
- Чичуров И. С.* Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991. 176 с.
- Angelov D.* Imperial ideology and political thought in Byzantium. Cambridge: Cambridge University press, 2007. 453 p.
- Böhlig G.* Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. 278 s.
- Bredenkamp H.* The Byzantine Empire of Thessalonike (1224–1242). Thessalonike: Municipality of Thessalonike, 1995. 292 p.
- Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München: Beck, 1978. Bd. 1. 542 s.
- Hunger H.* Proimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden // Wiener byzantinische Studien. Wien: Akademie-Verlag, 1964. Bd. 1. S. 49-83.
- Karlsson G.* Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie Byzantines. Textes du Xe siècle, analysés et comments. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1962. 157 p.
- Karpozilos A. D.* The ecclesiastical controversy between the kingdom of Nikaea and the principality of Epiros (1217–1233). Thessaloniki, 1973. 108 p.
- Karpozilos A. D.* The Date of Coronation of the Theodore Doukas Angelos // Byzantina. 1974. 6. P. 251-261.
- Kennedy GA.* Greek rhetoric under the Christian emperors. New Jersey: Princeton University press, 1983. 333 p.
- Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. Munich: C. H. Beck, 1897. 1193 s.
- Λαμβρόπουλος Κ.* Ιωάννη Απόκαυκος. Συμβολή στην έρευνα του βίου και του συγγραφικού έργου του. Αθήνα: Ιστορικές Εκδόσεις Στ. Δ. Βασιλόπουλος, 1988. 311 σ.
- Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. München: Max Hueber Verlag, 1960. Bd. 1. 560 s.
- Magdalino P.* The literary perception of everyday life in Byzantium // Byzantinoslavica. 1987. 47. P. 28-38.
- Miliaraki A.* Ιστορία του βασιλείου της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ηπείρου 1204–1261. Αθήνα: Εκδόσεις Κ. Κακουλίδη, 1898. 514 σ.

- Mullet M. The classical tradition in byzantine letter // *Byzantium and the classical tradition* / Ed. M. Mullet, R. Scott. Birmingham: Centre for Byzantine studies, University of Birmingham, 1981. P. 74-93.
- Mullet M. Rhetoric, theory and the imperative performance in Byzantium and now // *Rhetoric in Byzantium: Papers from the thirty-fifth spring symposium of Byzantine studies*, Exeter College (University of Oxford, March 2001). Oxford: Oxford university press, 2003. P. 151-170.
- Nicol D. *The Despotate of Epiros*. Oxford: Oxford university press, 1957. 220 p.
- Oudaltsova Z. M. Forces centrifuges et centripètes dans la monde Byzantines // XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. T. 1: Histoire. Athenes: K. Michalas, 1976. P. 37-58.
- Παπαδόπουλο Ε. Περί της ηλικίας και του γηράτος από τη γραμματεία του ενδεκάτου και δωδεκάτου αιώνα // *Συμμείκτη*. 2008. Τ. 17. Σ. 131-198.
- Παπαδοπουλο-Κεραμεβс Α. И. Noctes petropolitanae. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1913. 302 с.
- Prinzing G. Das byzantinische Kaisertum im Umbruch: zwischen Regionaler Aufspaltung und erneuter Zentrierung in den Jahren 1204–1282 // *Legitimation und Funktion des Herrschers*. Stuttgart: Steiner, 1992. S. 146-182.
- Oxford dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan, A.-M. Tallbot. Oxford: Oxford university press, 1991. Vol. 1. P. 1-729; Vol. 3. P. 1475-2233.
- The Oxford Handbook of Byzantine studies / Ed. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cornack. Oxford: Oxford university press, 2008.
- Stiernon L. Les origines du despotat d'Épire // *Revue des Études byzantines*. 1959. T. 17. P. 90-126.
- Sykutris J. Epistolographie // *Paulys Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft* / Hrsg. von W. Kroll. Stuttgart: J. B. Metzler, 1930. Suplbd. 5. S. 185-220.
- Tinnefeld F. Zum Entstehung von Briefsammlungen in der Palaiologenzeit // Πολύπλευρος Νοῦς. Miscellanea für P. Schreiner zu seinem 60 Geburtstag / Hgb. C. Schulz, G. Markos. Leipzig: K. G. Saur, 2000.
- Τομαδάκη Ν. Β. Οί λόγοι του δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου // Ἐπετερις τῆς Ἐταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1957. Τ. 27. Σ. 3-63.
- Wellnhofer M. Iohannes Apokaukos, Metropolit in Aetolien. Freising: Dr. F. P. Datterer & Cie, 1913. 19 s.

Денисов Сергей Александрович, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук; Densera@yandex.ru.